

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10027

«НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ» КАК «ИСКУССТВО ВОЗМОЖНОГО»: ЧЕРЕДОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ ПРИ СИ ЦЗИНЬПИНЕ

Михаил Владимирович Карпов

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлена к публикации:</i></p> <p style="text-align: right;">1 января 2021</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i></p> <p style="text-align: right;">20 марта 2021</p> <p><i>Отправлена на редактирование:</i></p> <p style="text-align: right;">25 марта 2021</p> <p><i>Принята к печати:</i></p> <p style="text-align: right;">3 мая 2021</p>	<p>Аннотация: Период правления Си Цзиньпина в сфере экономической политики характеризуется последовательным чередованием существенно различных макроэкономических стратегий, объединенных общим термином «новая нормальность». На данный момент ни одна из этих стратегий не увенчалась фундаментальным успехом.</p>
<p>Об авторе: главный научный сотрудник, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, МГИМО МИД России; доцент Школы Востоковедения, Факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ. e-mail: mikhail-karpov6@rambler.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Китай; Си Цзиньпин; новая нормальность; экономика Ли Кэцзяна, реформа сферы предложения; политическая экономия</p>	

В мае 2014 года в ходе инспекционной поездки в провинцию Хэнань генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР Си Цзиньпин заявил о том, что, исходя из особенностей текущего этапа экономического развития, Китаю следует «приспособиться к новой нормальности, психологически принять ее как стратегическую норму»¹. По оценке ведущих китайских экономистов

разных направлений это был первый случай, когда партийно-государственное руководство страны на высшем уровне употребило термин «новая нормальность» применительно к описанию социально-экономической ситуации и перспектив динамики «народного хозяйства»².

Сам термин «новая нормальность» как характеристика циклических изменений в экономике КНР употреблялся и ранее, однако не политическими лидерами, а представителями экспертного сообщества и академических кругов, причем не часто и, скорее, в гипотетическом ключе. Ряд китай-

¹ У Цзиньянь, Ли Инин, Линь Ифу. Дундэ гунгэйцэ гайгэ. China CITIC Press, 2015. С. 9. [У Цзиньянь, Ли Инин, Линь Ифу. Понимать новую нормальность. China CITIC Press, 2015. С. 9] (Wu Jinglian, Li Yining, Lin Yifu. Understanding New Normal. China CITIC Press. 2015. P. 9.)

² Ibid. С. 10

ских аналитиков-экономистов, работавших под эгидой Центра макроэкономических исследований Государственного комитета по делам развития и реформ КНР начали использовать это словосочетание во второй половине 2011 года для описания и анализа структурных причин определенного снижения темпов роста ВВП страны на рубеже 2010-2011 годов³. Однако, именно после майской 2014 года поездки Си Цзиньпина в Хэнань термин «новая нормальность» получил, так сказать, постоянную прописку в современном китайском не только научно-аналитическом, но и идейно-политическом лексиконе, обозначая в целом структурно-динамическое состояние современной экономики КНР.

Несмотря на такую идейно-политическую легитимацию и удобную в употреблении афористичность, в китайском экспертном сообществе вплоть до сегодняшнего дня продолжают периодически обостряющиеся дискуссии относительно истинного смысла и конкретного содержания той суммы эмпирических явлений, которую этот термин призван обозначать. Более того, отсутствует более или менее единое понимание причин перехода экономики КНР в состояние «новой нормальности», стратегической длительности этого периода и перспектив выхода из него.

С нашей точки зрения, подходы и оценки китайских экспертов-участников полемики следует в целом разделить на три больших группы.

Первая группа наблюдателей исходит из того, что понижательная тенденция динамики роста ВВП связана в решающей степени с воздействием на экономику КНР последствий глобального финансово-экономического кризиса, вызванного крахом рынка ипотечного кредитования в США в 2008-2009 годах. Иными словами, ключевые причины «новой нормальности» находятся за пределами КНР⁴.

³ Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйцзи дао синь чантай. China CITIC Press, 2016, С. 57. [Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности. China CITIC Press, 2016, С. 57] (Liu Shijin, Yu Wu, Chen Changsheng. From Fighting Crisis to New Normal. China CITIC Press, 2016. P. 57)

⁴ Ibid. С. 3.

Такой подход в целом не может быть признан удовлетворительным, так как на пике глобального кризиса – в 2009-2010 годах – китайская экономика (благодаря, прежде всего, беспрецедентным стимулирующим мерам правительства КНР общим объемом более 4 триллионов юаней) продемонстрировала высокие темпы роста ВВП – до 10% и, по некоторым оценкам, даже выше этого значения. Некоторое падение обозначилось только в 2011 году и стало наиболее заметным – и наиболее остро дискутируемым в экспертном сообществе – во второй половине 2013 года, то есть тогда, когда мировая экономика стала демонстрировать признаки восстановления.

Вторая группа экспертов – намного меньшая по численности – считает, что ключевая причина «новой нормальности» – внутри КНР и связана, прежде всего, с циклической динамикой китайской модели роста. Иными словами, эти наблюдатели полагают, что правительство КНР в принципе правильно отреагировало на внешний эффект глобального спада через пакет финансового стимулирования, однако объемы этого стимулирования оказались недостаточны, а курс на его реализацию – не в полной мере решительным и последовательным⁵.

Данное объяснение также не выглядит адекватным. Большинство как китайских, так и зарубежных наблюдателей отмечали, что объемы стимулирования были беспрецедентными, а меры по его воплощению в жизнь – достаточно быстрыми и интенсивными, и в количественном, и в качественном отношении. Более того, ряд экспертов считают, что официальные цифры масштабов стимулирующего пакета оказались существенно занижены. Дело в том, что с конца ноября 2008 китайская банковская система получала ликвидность в юанях не только через целенаправленные бюджетные трансферты при низкой ключевой ставке и финансирование конкретных проектов, но и по каналам продажи валюты Центральному банку. Причем объемы средств, предоставленных банкам основным регулятором через принудительную скупку у них валюты (что является нормальной практикой фи-

⁵ Ibid. С. 4.

нансовой системы КНР в условиях государственного регулирования обменного курса как по текущему счету, так и по счету движения капиталов) не вошли в общую сумму стимулирования, официально оцененную в 4 триллиона юаней⁶. Кроме того, негативные макроэкономические последствия столь мощных финансовых вливаний в китайскую экономику – рост задолженности в виде «плохих кредитов», прежде всего на региональном уровне, «пузыри» на рынке недвижимости, неадекватный рост стоимости активов и бум «теневое банкинг», использующего государственные деньги для выстраивания сомнительных кредитных линий за пределами официальной отчетности государственных банков – оказались настолько значительны, что вызвали серьезное и вполне обоснованное беспокойство у центрального правительства. Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам – аналитическим документам ЦБ, Центра макроэкономических исследований Государственного комитета по делам развития и реформ КНР и аналитическим публикациям в экономической прессе – это беспокойство на рубеже 2011-2012 годов переросло в явную тревогу и оказало непосредственное влияние на решимость центральных регуляторов приступить к попыткам «дерегулирования» китайской экономики, подготовка к которым начала осуществляться примерно с марта 2013 года⁷. Так что есть все основания полагать, что объемы стимулирующего пакета 2008-2010 годов были отнюдь не недостаточными, а их фундаментальное влияние на макроэкономическую ситуацию в стране,

по крайней мере, весьма неоднозначным. В этом контексте чисто «циклическое» объяснение снижения динамики ВВП КНР не выглядит убедительным.

Третья группа экспертов, пожалуй, наиболее численно внушительная, полагает что постепенное снижение темпов роста ВВП КНР с 2011 года связано с фундаментальными структурными изменениями в экономике страны и, прежде всего, с сокращением прибыли от инвестиций в промышленности на фоне исторически беспрецедентного индустриального бума истекшей четверти века и во-многом искусственного поддержания государством среднегодовой нормы накопления не ниже 45% к ВВП⁸.

Данная точка зрения представляется, вероятно, наиболее обоснованной, во всяком случае, по сравнению с первыми двумя подходами. Однако и она не вполне способна объяснить произошедшее, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, китайская официальная статистика нормы прибыли на капитал в промышленности, очевидно, не совсем адекватна. Расчеты, проведенные на ее основании рядом видных экономистов КНР, парадоксальным образом показали, что именно на протяжении двух десятилетий китайского индустриального и экспортного бума инвестиции в обрабатывающую промышленность (которая, согласно статистике, отличалась наиболее высокой динамикой роста) оставались либо минимально рентабельны, либо откровенно убыточны относительно средней стоимости кредита в государственном коммерческом банке⁹. Этот факт может весьма красноречиво свидетельствовать как о степени релевантности открытой ки-

⁶ Чжоу Цижэнь. Хуоби тяокундэ чжунго тэсы. Peking University Press, 2012. С. 78 [Чжоу Цижэнь. Китайская специфика денежного регулирования. Peking University Press, 2012. С. 78] (Zhou Qiren. Monetary Regulation with Chinese Characteristics. Peking University Press, 2012. P. 78)

⁷ Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйцзи дао синь чантай. China CITIC Press, 2016. С. 115-123 [Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности. China CITIC Press, 2016. С. 115-123] (Liu Shijin, Yu Wu, Chen Changsheng. From Fighting Crisis to New Normal. China CITIC Press, 2016. Pp. 115-123)

⁸ Ibid. С. 5

⁹ Фань Ган, Чжан Сяоцин. Цзэмме ю гоже-лэ? Синь и лунь цзинци бодун юй хунгуань тяокун фаньси. Цзянси жэньминь чубаньшэ. Наньчан, 2005. С. 126 [Фань Ган, Чжан Сяоцин. Почему опять перегрелись? Анализ нового цикла экономических колебаний и макро-регулирования. Народное издательство провинции Цзянси – Наньчан, 2005. С. 126] (Fan Gang, Zhang Xiaojing. Why got Overheated Once More? Analysis of the New Cycle of Economic Fluctuations and Macro-Adjustment. Jiangxi People's Publishers – Nanchang, 2005. P. 126)

тайской статистики, так и о масштабах закрытости политэкономических процессов «производства и распределения прибыли» в КНР.

Во-вторых, наиболее осязаемое снижение динамики ВВП в Китае случилось все-таки не в 2011 и не в 2012 годах, а во второй половине 2013 года, после так называемого июньского «кризиса ликвидности»¹⁰. Относительно быстрое падение темпов роста на ограниченном временном отрезке – до полугода – с последующим частичным восстановлением (правда, не до пиковых значений 2010 года) вряд ли можно в полной мере объяснить снижением нормы прибыли как следствия индустриального бума. Очевидно, здесь действовал целый ряд как фундаментальных, так и циклических факторов, которые, с нашей точки зрения, не нашли целостного объяснения в китайской экономической литературе вплоть до сегодняшнего дня. К поиску ответа на вопрос, что это были за факторы, мы вернемся ниже.

Среди зарубежных экспертов – на поверку – также отсутствует четкое представление о причинах и возможных последствиях «новой нормальности» в социально-экономическом комплексе КНР. Внешние наблюдатели в абсолютном большинстве либо рассматривают «новую нормальность» как некий общий фон для анализа институционально-политических изменений в КНР в период нахождения у власти пятого поколения лидеров во главе с Си Цзиньпином, либо склонны солидаризироваться с китайскими оценками, не имеющими, как было отмечено, реального внутреннего консенсуса. Иными словами, разногласия китайских экономистов воспроизводятся в среде зарубежного экспертного сообщества при том, что китайских наблюдателей отличает – возьмемся это утверждать – несколько большая аналитическая глубина. Пожалуй, единственный момент, относительно которого мнения ки-

тайских и зарубежных экспертов совпадают – это констатация эмпирического факта снижения общих темпов роста ВВП КНР с ежегодных 9-10% до 6-7%, во всяком случае, по данным официальной статистики¹¹.

Такое положение вещей не должно, впрочем, удивлять, по крайней мере, по двум тесно взаимосвязанным причинам. Во-первых, глубинные структурные и динамические причины перехода в состояние «новой нормальности» – то есть, в сущности, причины снижения динамики роста ВВП КНР – действительно до конца не ясны. Во-вторых, сама эта «новая нормальность» в реальности представляет собой *последовательное чередование нескольких финансово-экономических политик-стратегий, направленных в конечном счете на преодоление этого снижения*. Иными словами, создается впечатление, что, продекларировав переход к «новой нормальности» и даже заявив о необходимости психологически принять ее как «стратегическую норму», китайское партийно-государственное руководство и финансово-экономические регуляторы сами отнюдь не считают эту «нормальность» нормальной и прилагают немало усилий к ее преодолению. При этом, если на уровне политического целеполагания и сопровождающей его официальной (полуофициальной) риторики эти стратегии выглядят относительно целостными и характеризуются как не противоречащие друг другу, то на уровне академического и экспертно-аналитического дискурса – несмотря на естественные для китайских системных условий цензуру и самоцензуру – единая позиция относительно инструментов и целей преодоления-коррекции «новой нормальности» на данный момент не просматривается.

Следует также со всей определенностью отметить, что в реальности все эти последовательно сменявшие друг друга политики-стратегии в целом ряде своих базовых аспектов выглядят взаимно противоречащими, тогда как степень успешности их реализации, равно как и фундаментальные

¹⁰ Лю Юхуэй. Чжунго цзинци дэндай поцзю // Цайцзин, 15.07.2013, с. 32 [Лю Юхуэй. Экономика Китая ожидает прорыва // Цайцзин, 15.07.2013, с. 32] (Lu Yuhui. Chinese Economy is Waiting for the Breakthrough // Caijing, 15.07.2013, p. 32)

¹¹ Willy Wo-Lap Lam. Chinese Politics in the Era of Xi Jinping. Renaissance, Reform or Retrogression. Routledge, 2016. Pp. 151-190; Brown, Kerry. CEO, China. The Rise of Xi Jinping. I. B. Tauris: London, New York, 2017. Pp. 217-218.

критерии этой успешности представляются нам весьма дискуссионными.

Эффект «монетарного несварения»

Прежде чем перейти к краткому рассмотрению и анализу этих политик-стратегий следует все же конспективно ответить на вопрос о том, что же случилось с китайской экономикой после 2008 года. Иными словами, какую роль в переходе к «новой нормальности» сыграл глобальный финансовый кризис и беспрецедентный пакет монетарных стимулов, реализованный в 2008-2010 годах правительством КНР. Поскольку, как отмечалось выше, ни циклическое, ни сугубо «внешнее» объяснение произошедшего не выдерживает критики, а тезис о «естественном снижении нормы прибыли на капитал в результате успешной индустриализации» не в полной мере верифицируется статистически, мы рискуем здесь предложить свое объяснение истоков «новой нормальности», исходя из результатов анализа значительного объема китайских первичных и вторичных источников – документов Государственного комитета по делам развития и реформ КНР, выступлений китайской экономической печати, академических монографий и интервью автора с рядом китайских экспертов-экономистов, проведенных в 2013-2019 годах в Пекине и Москве.

Масштабы и динамика мирового финансового обвала, в равной мере, как и его последствий для китайской экономики доходили до руководства КНР постепенно на протяжении сентября-декабря 2008 года. Эта постепенность отражалась в динамике реакции китайских политических и финансовых регуляторов. Еще 19 октября 2008 года Постоянный комитет Госсовета КНР, по имеющейся к нас информации, не планировал осуществлять экстраординарные меры по стимулированию экономики. Однако, уже 5 ноября было принято решение о стимулирующем пакете общим объемом до 4 триллионов юаней, официально оглашенное 9 ноября¹². В действительности, как

уже было указано, объемы стимулирования были, очевидно, более значительными, учитывая масштаб вливаний ликвидности в китайскую банковскую систему по каналам принудительной скупки твердой валюты ЦБ у коммерческих банков.

По оценкам китайских наблюдателей, высказанных, в частности, в интервью с автором этих строк, ключевыми факторами, заставившими пекинских регуляторов пойти на это, были резко возросшие на рубеже октября-ноября опасения обвального – до 30% – падения спроса на экспортную продукцию КНР, сопоставимого снижения притока валюты в виде доходов от экспорта и иностранных инвестиций, а также массовое закрытие экспортных предприятий, неизбежно сопровождаемое пиковым ростом безработицы – в особенности в наиболее социально-экономически развитых регионах южного и юго-восточного Китая. По некоторым данным, к началу конца ноября – началу декабря 2008 года до 20 миллионов сезонных рабочих на предприятиях экспортного сектора провинций Гуандун, Чжэцзян и Фуцзянь лишились рабочих мест и мигрировали во внутренние районы страны¹³.

Решение о стимулирующем пакете было, несомненно, стратегически верным шагом. Иного не было дано. Впоследствии, обосновывая и объясняя свои действия, сотрудники макроэкономических отделов Государственного комитета по делам реформ и развития подчеркивали, что какие-либо другие механизмы и каналы для стимулирования экономического роста, кроме традиционной кредитно-денежной накачки просто отсутствовали в природе¹⁴. Однако, как признавали те же эксперты, объемы монетарного «допинга» оказались чрезмерными, не были выработаны механизмы быстрого

Macroeconomic Regulation. China CITIC Press, 2016. P. 154-156)

¹³ Ibid. С. 162.

¹⁴ Ма Гочуань. Цзоучу вэйвень шидай. Hongkong Open Page Publishing Co. LTD, 2013. С. 180-196 [Ма Гочуань. Покидая эпоху поддержания стабильности. Hongkong Open Page Publishing Co. LTD, С. 180-196] (Ma Guochuan. Leaving the Epoch of Supporting Stability. Hongkong Open Page Publishing Co. LTD, Pp. 180-196)

¹² Лу Фэн. Хунтяодэ лоци. China CITIC Press, 2016. С. 154-156 [Лу Фэн. Логика макроэкономического регулирования. China CITIC Press, 2016. P. 154-156] (Lu Feng. The Logic of

и эффективного отхода от стимулирующих мер (их, впрочем, в КНР также никогда не было в природе...) и отсутствовало стратегическое понимание направления дальнейшего движения макроэкономической политики после того, как цели стимулирующего пакета будут достигнуты¹⁵.

Последнее обстоятельство, положив руку на сердце, также трудно вменить в вину китайским центральным регуляторам. В беспрецедентно острой обстановке, подверженной к тому же высокой и непредсказуемой внешней и внутренней динамике, эти регуляторы были вынуждены решать определенный круг неотложных оперативнотактических задач, не имея ни времени, ни теоретического или эмпирического фундамента для стратегического целеполагания.

Институциональная природа и практика макроэкономического регулирования в КНР весьма эффективно приспособлены к оперативным действиям по преодолению циклических «перегревов» – «переохлаждений» в условиях инвестиционно-затратной модели экономического роста¹⁶. Выход за пределы такой циклической динамики, очевидно, возможен в результате глубоких политэкономических преобразований, направленных на достижение макро-баланса через финансовое дерегулирование и ужесточение бюджетного ограничения ключевых экономических игроков. Такие реформы, естественно, ни технически, ни фундаментально невозможно было реализовать в конкретных условиях рубежа 2008-2009 годов.

В результате экономика КНР, образно говоря, захлебнулась в ликвидности, не сумев переварить монетарный стимул таких масштабов. Выражаясь более научно, китайское народное хозяйство – в силу ряда присущих ему внутренних структурных и динамических особенностей – оказалось не в состоянии освоить предоставленные объемы фи-

нансового «допинга» в достаточной степени экономически эффективно. Впрочем, этого и следовало ожидать. В экономику страны, для которой характерны мягкое бюджетное ограничение, высокая интенсивность «репрессий на капитал» (т.е. административно регулируемые кредитные и депозитные ставки, обменные курсы по счетам текущих операций и движения капиталов, не до конца свободное ценообразование – в ряде случаев даже розничное, замкнутый и жестко сегментированный внутренний фондовый рынок – «поле чудес») преимущественно для физических лиц и – как следствие – дефицит и узость инвестиционных каналов и механизмов), доминирование договорных трансакций, нацеленных на извлечение ренты – прежде всего, именно из инвестиционной деятельности – в такую экономику был влит монетарный стимулирующий пакет исторически беспрецедентных масштабов. Естественно, случилось тяжелое несварение. Да, темпы роста ВВП в 2009-2010 годах технически скакнули вверх, почти повторив «упоительную динамику» экспортно-инфраструктурного бума 1990-х годов. Однако, качество фундаментальных макро и микроэкономических показателей резко ухудшилось. И дело здесь действительно не в недостатке объемов циклического стимулирования, не в последствиях ипотечного кризиса в США, как таковых, и уж тем более не в техническом снижении нормы прибыли на капитал в обрабатывающей промышленности, что вообще – «темный лес» в условиях договорно-рентных отношений под финансовой эгидой репрессивных регуляторов. Дело в том, что колоссальный финансовый стимул, спровоцированный внешними факторами, резко обострил структурные дисбалансы огромной экономики, страдающей одновременно от мягкого бюджетного ограничения, пузырей государственных гарантий и дефицита и узости инвестиционных каналов и механизмов.

При этом несомненно, что одним из важнейших симптомов «монетарного несварения» стал, с одной стороны, рост издержек на единицу произведенной продукции, а с другой – «перелив капитала» из сравнительно низко доходного производственного сектора в «золотые жилы» финансовых пи-

¹⁵ Лу Фэн. Хунтяодэ лоци. China CITIC Press, 2016. С. 172 [Лу Фэн. Логика макроэкономического регулирования. China CITIC Press, 2016. Р. 172] (Lu Feng. The Logic of Macroeconomic Regulation. China CITIC Press, 2016. P. 172)

¹⁶ Shih, V.C. Factions and Finance in China: Elite Conflict and Inflation. Cambridge University Press, 2008. Pp. 1-15.

рамид в сферах оборота земли, недвижимости, игры на фондовом рынке и в обладающие внушительным распильно-откатным потенциалом инвестиции в капитальное строительство и инфраструктуру¹⁷.

Характерно также, что именно после 2010 года в китайском и мировом экспертном сообществе начинает актуализироваться тема попадания КНР в «ловушку среднего дохода». Эта, с нашей точки зрения, довольно спорная в применении к Китаю концепция, могла, тем не менее, найти некоторые обоснования в виде общего увеличения непроизводственных издержек и роста доходов значительных страт населения в крупных городах КНР.

«Ловушка среднего дохода» или «стена, отделяющая от развитых стран» и «окно возможностей» для их преодоления

Так или иначе, в первом квартале 2011 года на повестке дня макроэкономических регуляторов КНР вновь оказались задачи борьбы с «перегревом», «непомерной кредитно-денежной эмиссией», «плохими долгами» банковского сектора и региональных правительств, пузырями рынка недвижимости и ростом как оптовых, так и розничных цен. Предпринятые – по преимуществу административные, вплоть до регулирования розничного ценообразования в мае и июне 2011 года – меры по «охлаждению» дали эффект и динамика ВВП страны снова поползла вниз. Ряд экспертов в этой связи указали на несовпадение по фазам китайской экономики и экономик развитых стран. В 2009-2010 годах, когда развитый мир, казалось, безнадежно «падал», КНР демонстрировала «новые чудеса» роста. В 2011-2012 годах, когда развитый мир обнаружил осторожную тенденцию к восстанов-

лению, ВВП Китая не менее осторожно, но ощутимо двинулся в противоположном направлении¹⁸.

Вывод-консенсус, к которому пришли летом 2011 года близкие к Госсовету КНР эксперты, состоял в том, что китайская экономика сохраняет фундаментальную зависимость от инвестиционно-затратной модели роста и характерной для нее в течение многих десятилетий волнообразной динамики чередования «перегревов» и «охлаждений»¹⁹.

Этот вывод-консенсус накладывался на весьма острые симптомы «монетарного несварения», которые начинали все более беспокоить и аналитиков-наблюдателей, и практиков-регуляторов. Среди наиболее опасных симптомов отмечали рост издержек на единицу продукции, перелив средств из реального сектора в непроизводственные и откровенно спекулятивные сферы, падение доходов от экспорта, рост цен и неблагоприятные тенденции в сфере занятости, пузыри недвижимости и различных государственных гарантий, взрывной рост долгового бремени – в особенности – в регионах и в банковском секторе и разбухание объемов ликвидности в экономике – индекс денежной массы M2 впервые в истории КНР достиг прямо-таки фантастического показателя 200% к ВВП²⁰.

В контексте этих последних обстоятельств китайские эксперты с весны 2011 года все более начинают «бить в набат» по

¹⁷ Ши Вэй. Чуаньтоу мицян: ганьюй юй цзыю бцисядэ чжунго цзинци. Цзинань дасюе чубаньшэ, 2014. С. 81 [Ши Вэй. Проникая через волшебную стену: экономика Китая в борьбе между вмешательством и свободой. Издательство университета в г. Цзинань, 2014. С. 81] (Shi Wei. Penetrating through Magic Wall: Chinese Economy Struggling between [State] Intervention and Freedom. Jinan University Publishers, 2014. P. 81)

¹⁸ Лю Шицинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйцзи дао синь чантай. China CITIC Press, 2016. С. 212-221 [Лю Шицинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности. China CITIC Press, 2016. С. 212-221] (Liu Shijin, Yu Wu, Chen Changsheng. From Fighting Crisis to New Normal. China CITIC Press, 2016. Pp. 212-221)

¹⁹ Ibid. С. 201.

²⁰ Ши Вэй. Чуаньтоу мицян: ганьюй юй цзыю бцисядэ чжунго цзинци. Цзинань дасюе чубаньшэ, 2014. С. 200 [Ши Вэй. Проникая через волшебную стену: экономика Китая в борьбе между вмешательством и свободой. Издательство университета в г. Цзинань, 2014. С. 200] (Shi Wei. Penetrating through Magic Wall: Chinese Economy Struggling between [State] Intervention and Freedom. Jinan University Publishers, 2014. P. 200)

поводу сетевого распространения теневого банкинга, объемы активов которого осенью того же года оцениваются в почти треть ВВП. Ключевой риск теневого банкинга в его китайском варианте, по мнению абсолютного большинства китайских экспертов и наблюдателей самых разных направлений состоит в том, что, в отличие от теневых банковских и инвестиционных структур на Западе и в экономиках Восточной и Юго-Восточной Азии, в КНР теневые кредиторы и инвесторы работают с государственными деньгами. Эти последние передаются им по серым или откровенно нелегальным каналам государственными коммерческими банками, для которых кредитор последней инстанции – государство в лице ЦБ и госбюджета. Процентная ставка в госбанках регулируется государством, в то время как теневики свободны в ее определении. Доходы от более высоких, чем в финансовом секторе, процентных ставок теневые кредиторы и инвесторы делят с госбанками, причем операции теневиков с государственными деньгами не отражаются в официальной отчетности государственных банков. Таким образом, выстраиваются пронизывающие всю экономику КНР кредитно-денежные долговые цепочки, надежность которых вызывает обоснованные сомнения. В случае ужесточения кредитно-денежной политики государства, иными словами, в случае сокращения объемов рефинансирования государственных банковских активов из бюджета, возникают реальные риски дефолта и кредиторов, и должников, формально находящихся вне пределов государственных обязательств и отчетности, но в реальности органически связанных с активами ведущих государственных банков, прежде всего, на региональном уровне²¹.

В целом, осязаемо росло понимание необходимости решительных действий – и не в смысле поиска более изощренных методов перехода от «перегрева» к «охлаждению» и

обратно, а реализации комплексных мер по глубинному реформированию экономики с целью смены самой модели роста – преодолению зависимости от инвестиционно-затратной «синусоиды» и переходу к более сбалансированной положительной динамике ВВП с упором на увеличение доли внутреннего потребления, сектора услуг и высоких, экологически ориентированных технологий²².

Результатирующей такого рода настроений стала весьма глубокая и практически неизвестная за пределами Китая обширная статья под названием «Ловушка или высокая стена», подготовленная в недрах института макроэкономического анализа Комитета по делам реформ и развития Госсовета КНР осенью 2011 года²³. Данный текст чрезвычайно интересен и значим как сам по себе, так и в силу того факта, что авторами его являются не просто академические ученые с университетских площадок, а представители наиболее близкой к верхним эшелонам партийно-государственного политического класса части экспертного сообщества КНР. Не будет большим преувеличением утверждать, что данная статья – отражение образа мыслей весьма влиятельной части именно этой группы экономистов-аналитиков, по крайней мере, на тот момент.

²¹ Ван Пэйчэн, Чжао Цзинтин. Чжунгоши инцзы иньхан // Цайцзин, 11.02.2013, с. 94 [Ван Пэйчэн, Чжао Цзинтин. Теневые банки по-китайски // Цайцзин, 11.02.2013, с. 94] (Wang Peicheng, Zhao Jingting. Shadow Banking Chinese Style // Caijing, 11.02.2013, p. 94)

²² Цзя, цай, шуй пейтао гайгэ иньдуй синьшици тяочжаньдэ чжэнцэ сюаньцзэ // Цайцзин, 18.02.2013, с. 60-61 [Скоординированная реформа цен, активов и налогов должна стать стратегическим выбором в новый период // Цайцзин, 18.02.2013, с. 60-61] (Coordinated Reform of the Prices, Assets and Taxes Must be the Strategic Choice in the New Period // Caijing, 18.02.2013, pp. 60-61)

²³ Лю Шицзин, Чжан Цзюнько, Хоу Юнчжи, Лю Пэйлинь. Сянцзин хайши гаоцян [Лю Шицзин, Чжан Цзюнько, Хоу Юнчжи, Лю Пэйлинь. Ловушка или высокая стена] (Lu Shijing, Zhang Junkuo, Hou Yongzhi, Lu Peilin. Trap or High Wall) // Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйцзи дао синь чантай. China CITIC Press, 2016. С. 109-136 [Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности. China CITIC Press, 2016. С. 109-136] (Liu Shijin, Yu Wu, Chen Changsheng. From Fighting Crisis to New Normal. China CITIC Press, 2016. Pp. 109-136)

У нас здесь нет возможности подробно и развернуто анализировать эту статью. Остановимся на ее ключевых тезисах и выводах. Авторы отталкиваются от получивших к тому времени широкое хождение оценках, согласно которым КНР оказался в «ловушке среднего дохода» и, судя по всему, не склонны эти оценки разделять. Они отмечают, что даже если исходить из того, что китайская социально-экономическая сфера и демонстрирует некоторые признаки такой «ловушки», технически выйти из нее Китаю будет не так уж сложно. Имплицитно авторы имеют, очевидно, ввиду тот факт, что значительная часть населения страны, проживающая прежде всего в сельской местности и малых городах – статистически большинство граждан КНР – действительно нарастив доходы в сравнении с прошлыми десятилетиями, тем не менее еще весьма далеки по уровню благосостояния от большинства жителей развитых государств.

Эксперты полагают более адекватным описание социально-экономических реалий современного Китая не термином «ловушка среднего дохода», а словосочетанием «высокая стена», которая, по их мнению, отделяет КНР от развитых стран Запада, Японии, Тайваня и Южной Кореи. И, как они считают, перепрыгнуть эту «стену» оказывается намного более тяжело и затратно, чем технически преодолеть кажущуюся «ловушку»²⁴.

Разумеется, говоря объективно, такое заключение смахивает на софизм. В самом деле, вряд ли возможно легко преодолеть элементы «ловушки среднего дохода» в Китае. Однако, основной посыл статьи не в этом. Авторы, разумеется, не предлагают ни искусственно ограничивать потребление (в то время, когда его надо наращивать), ни наоборот – «разбрасывать деньги с вертолета».

Общая логика аргументации и контекст статьи не оставляют сомнений, что в качестве этой «высокой стены» авторы видят именно структурные и динамические институциональные особенности инвестиционно-затратной модели экономического роста. К таковым авторы статьи относят:

– Высокую централизацию ресурсов – в том числе, финансовых ресурсов – в руках правительства;

– Децентрализацию (регионализацию) властных полномочий правительства-монополистов (от провинциальных правительств и ниже, вплоть до волостных исполнительных структур), порождающую нездоровую инвестиционную конкуренцию между регионами, которая – в свою очередь – закрепляет экстенсивно-затратную природу экономического роста;

– Существующая в реальности – вопреки официальным статистическим выкладкам – несоразмерно высокая доля государственной собственности в экономике страны и *ключевые контрольные* функции госсектора;

– Недостаточный уровень открытости рынка и упорядоченности конкуренции на нем;

– Отставание правового строительства от потребностей развития рыночной экономики;

– Накопление бюджетных и финансовых рисков и оттягивание коренных реформ-изменений в кредитно-инвестиционной сфере;

– Половинчатая урбанизация, наличие значительной трудовой «армии» сельских мигрантов, покинувших деревню, но так полностью и не интегрировавшихся – ни экономически, ни социо-культурно – в сферу городской жизни;

– В целом низкая социальная мобильность, тенденция к консервации существующих общественно-экономических и культурных статусов, недостаточные условия для использования и развития «человеческого капитала»²⁵.

Цензура и самоцензура не дают авторам возможности открыто внести роль и место правящей партии в этот список «институциональных и динамических особенностей». Однако, читателям, знакомым с общественно-политическим реализмом КНР, данный пункт, надо думать, понятен по умолчанию.

Преодолеть «высокую стену», по мнению авторов статьи, значит – запустить ощутимую положительную динамику в перечисленных сферах.

²⁴ Ibid. С. 115.

²⁵ Ibid. С. 127-130.

Далее идут два *принципиальнейших* момента.

Во-первых, ключевой «институциональной особенностью», формирующей риски преодоления «высокой стены», авторы недвусмысленно называют бюджетно-финансовую и инвестиционную сферу, помещая этот пункт первым в той части статьи, где речь идет о том, «сможем ли мы (т.е. Китай) преодолеть [стену]»²⁶.

Во-вторых, авторы пишут, что согласно результатам проведенных ими расчетов, примерно в 2015 году темпы роста ВВП КНР существенно снизятся в силу естественных причин²⁷. Эти причины авторы конкретно не называют, однако, насколько можно судить по контексту аргументации, речь идет о достижении неких пиковых значений индустриализации и общего роста макроэкономических – финансовых – дисбалансов.

От себя добавим – в силу долгосрочных структурных последствий «монетарного несварения»: повторить «подвиг» разового 4-х триллионного стимулирующего пакета вряд ли получится, ибо экономика может просто обрушиться под бременем такого государственного вспомоществования. Всякий же меньший стимул просто уже не даст ожидаемого эффекта. Забегая вперед, можно сказать, что, по сути дела, так оно и получилось, начиная с 2013 года и далее.

Авторы недвусмысленно дают понять, что для Китая такое «естественное торможение» может обернуться большой бедой. Для того, чтобы этого избежать, необходимо «перемахнуть» пресловутую «высокую стену». Причем, по мнению экспертов, *окно возможности* для осуществления такого прыжка находится в *периоде между 2013 и 2017 годами*²⁸. Иными словами, во имя будущего Китая рывок необходимо совершить именно в этом временном промежутке. И начинать «штурм высокой стены», как свидетельствует логика статьи, надо с преобразований в финансовой сфере. То есть, с самого трудного для ее взятия бастиона.

Интерес и значимость этой статьи состоят, кроме всего прочего, еще и в том,

что – анализируя развитие ситуации по-факту – можно прийти к *поразительному* заключению: и хронологически, и содержательно действия избранного на 18-м съезде КПК в ноябре 2012 года «пятого поколения китайских руководителей» практически полностью соответствовали логике и целеполаганию ее авторов. Во всяком случае, можно с уверенностью утверждать – первая из рассматриваемых здесь экономических стратегий Си Цзиньпина была именно таковой.

Стратегия №1: «дерегулирование и снижение долгового бремени» или «экономика Ли Кэцзяна»

Первая из рассматриваемых нами стратегических линий китайского руководства в области экономической (макроэкономической) политики сформировалась еще до официального принятия на вооружение термина «новая нормальность» и связана с установкой на укрепление финансовой дисциплины – снижение объемов долгового бремени регионов и предприятий – и частичное, но реальное дерегулирование народного хозяйства КНР вплоть до планов осуществления дозированной финансовой либерализации. Речь шла, прежде всего, о существенном снижении объемов государственного лицензирования (в том числе, инвестиционных проектов), а также экспериментов по либерализации процентной ставки по кредитам и депозитам и дерегулирования обменного курса юаня по счету движения капиталов в ряде региональных экономических зон. Для этого, в частности, создавалась «зона свободной торговли» в Шанхае в 2012-2013 годах.

В целом эта линия экономической политики летом 2013 года получила название «экономика Ли Кэцзяна» (по фамилии и имени Премьера Госсовета КНР, избранного на 18-м съезде КПК в ноябре 2012 года) с подачи ряда китайских экономистов-аналитиков,

²⁶ Ibid. С. 132.

²⁷ Ibid. С. 122.

²⁸ Ibid. С. 122-123.

работавших в банке Barclays²⁹. Эта политика осуществлялась в период между мартом 2013 года и началом 2016 года. Впрочем, наиболее активно она проводилась в жизнь с марта 2013 и до середины 2014 года. Далее ее практическая интенсивность и политико-пропагандистское обеспечение снижались и, по сути дела, сошли на нет после обвала внутренних фондовых рынков КНР во второй половине 2015 – начале 2016 года.

В марте 2013 года большинство финансово-кредитных и производственных игроков китайской экономики ожидали от нового партийно-государственного руководства новых шагов по финансовому стимулированию. Однако, этим ожиданиям не суждено было сбыться. Стремясь укрепить в стране финансовую дисциплину, уменьшить монетарный навес, объем «плохих кредитов» и внутреннего долга, а также существенно ограничить потенциально дефолтную активность теневого банкинга, прежде всего на так называемых «инвестиционных площадках региональных правительств», центральные регуляторы в лице ЦБ и руководства Госсовета постепенно, но решительно приступили к сокращению денежного предложения. В то же время были приняты законодательные меры, недвусмысленно направленные на ограничение операций теневых кредиторов³⁰.

С марта по июнь Премьер Госсовета Ли Кэцян лично в ходе заседаний Постоянного Комитета Госсовета и селекторных совещаний центрального и регионального партийно-государственного актива неоднократно призывал «продуктивнее использовать уже имеющуюся на рынке ликвидность», призывая банковское сообщество меньше надеяться на трансферты из бюджета

²⁹ «Ли Кэцян цзинцзи сюе» жумэнь ке // Цайцзин, 02.12.2013, с. 56 [Вводная лекция по «экономике Ли Кэцяна» // Цайцзин, 02.12.2013, с. 56] (The Entrance Class for the “Liconomics” // Caijing, 02.12.2013, p. 56)

³⁰ Чжан Чживэй. Жунжэнь цзэнсу фанхуань ши лисиндэ сюаньцзэ // Цайцзин, 25.03.2013, с. 77 [Чжан Чживэй. Признавая, что снижение темпов роста является рациональным выбором // Цайцзин, 25.03.2013, с. 77] (Zhang Zhiwei. Acknowledging that the Decrease in Growth Rate is Rational Choice // Caijing, 25.03.2013, p. 77)

та и уделять больше внимания деятельности на фондовом рынке и активному кредитованию «ответственных заемщиков» из реального сектора. При этом государство действительно сократило объемы бюджетного рефинансирования коммерческих госбанков и ужесточило требования к банковскому резервированию³¹.

Одновременно в экспертных и академических кругах, а также в научной и экономической печати поднялась беспрецедентная волна обсуждения целесообразности, характера и масштабов финансовой либерализации – прежде всего, дерегулирования процентной ставки по кредитам и депозитам и экспериментов по либерализации обменного курса юаня по счету движения капиталов. Тезис о том, что «рынок должен стать ключевым механизмом распределения ресурсов» стал мемом курса на финансовое дерегулирование. Появились и получили распространение – через статьи в экономической печати и даже целые объемные монографии – теории перехода Китая к «свободной финансовой системе»³². Наиболее заметной и целостной среди них была, пожалуй, концепция «скоординированного продвижения финансовой реформы в КНР»³³. Суть этой концепции – необходимость сба-

³¹ Лю Юхуэй. Чжунго цзинцзи дэндай поцзю // Цайцзин, 15.07.2013, с. 32 [Лю Юхуэй. Экономика Китая ожидает прорыва // Цайцзин, 15.07.2013, с. 32] (Lu Yuhui. Chinese Economy is Waiting for the Breakthrough // Caijing, 15.07.2013, p. 32)

³² Дэн Хайцин, Линь Ху. Лилю шичанчуа. Тувэй чжунго чжайу куньцзю. Social Sciences Academic Press (China), 2013 [Дэн Хайцин, Линь Ху. Переход к рыночному определению кредитной ставки. Прорыв долговой осады в Китае. Social Sciences Academic Press (China), 2013] (Deng Haiqing, Lin Hu. Interest Rate Liberalization. Breaking Out China's Debt Predicament. Social Sciences Academic Press (China), 2013)

³³ Шэн Сунчэн, Лю Си. Цзиньжун гайгэ сятю туйцзиньлунь. China CITIC Press, 2015. С. 1-25 [Шэн Сунчэн, Лю Си. Теория скоординированного продвижения финансовой реформы. China CITIC Press, 2015. С. 1-25] (Sheng Songcheng, Lu Xi. Theory of Coordinated Advance of Financial Reform. China CITIC Press, 2015. Pp. 1-25)

лансированного сочетания либерализации процентных ставок и реформы остальных инструментов макроэкономического регулирования – была, в сущности, банальна и никакой «дорожной картой» преобразований в действительности не являлась. Однако, подчеркнутое внимание к ней не только со стороны экспертно-академического сообщества, но и официальных пропагандистов от экономики дает представление о динамике момента.

В целом, интенсивность и предметный охват экспертной дискуссии, получившей явное официальное благословление и пропагандистскую поддержку, не оставляет сомнений, что на этом этапе влиятельные группы в руководстве страны, ассоциировавшиеся с премьером Госсовета Ли Кэцяном и не встретившие, очевидно, принципиальных возражений со стороны Си Цзиньпина, действительно делали ставку на реализацию в ближайшей перспективе дозированной финансовой либерализации. Масштаб этой дозы оставался неясен, однако собеседники автора в Пекине и в Москве летом 2013 года говорили о дерегулировании кредитной ставки как о решенном вопросе. Намного менее понятным обстояло дело с либерализацией обменного курса юаня по счету движения капиталов и с фундаментальной реформой фондового рынка, направленной на увеличение степени его открытости и преодоление сегментации в обороте акций и облигаций. Не детализировались и схемы интеграции «зон свободной торговли» – по сути дела, валютных оффшоров – во внутреннюю экономику страны.

Как бы там ни было, но меры по повышению финансово-кредитной дисциплины и набирающая обороты экспертная и идейно-политическая дискуссия о «дерегулировании» к исходу весны не только обнаружила явный дефицит заинтересованных в либерализации социально-экономических игроков, ожидавших вместо перехода к «свободной экономике» новой порции монетарного «допинга», но и всерьез встревожила банковское сообщество. Капитаны государственного банковского сектора почувствовали реальную угрозу всем без исключения источникам своих доходов и прибылей.

Согласно имеющимся у нас данным, банкиры, опираясь на опыт предыдущих реформ в финансово-банковской сфере, откровенно не поверили, что государство перестанет контролировать кредитную ставку. В самом деле, это привело бы к фактическому слому всей конструкции макроэкономического регулирования и контроля в КНР. Крайне скептически отнеслись они и к перспективе либерализации обменного курса юаня по счету движения капиталов. При этом банкиры в принципе поверили в решимость государства дерегулировать ставку по депозитам. Это резко сократило бы их возможности использовать разницу между относительно высокими кредитными и относительно низкими депозитными ставками в свою пользу. Одновременно они крайне негативно относились к борьбе центральных регуляторов со столь выгодным для них теневым банкингом и к ужесточению государством требований к нормам резервирования. Таким образом, кровные интересы государственного банковского сообщества КНР оказывались между молотом и наковальней³⁴.

Результатом стал, по сути дела, саботаж правительственных инициатив путем замораживания межбанковского кредитования 20 июня 2013 года, вызвавший кратковременный, но чрезвычайно острый «кризис ликвидности» с 20 по 25 июня 2013 года. По своей политэкономической природе это был кризис внутреннего долга, когда, перед лицом угрозы фундаментального монетарного ужесточения, как заемщики, так и кредиторы рванулись обналчивать свои счета вдоль по всей долговой цепочке – вплоть до кредитора последней инстанции в лице ЦБ. Запретительно высокие ставки межбанковского кредитования, взлетевшие за полутора суток до 30%, обвалили фондовый рынок и в целом привели к полупараличу всей национальной финансовой системы

³⁴ Чжан Чживэй, Чэнь Цзянь. Гуаньжун чжунго цзиньжун фэнсянь // Цайцзин, 22.04.2013, с. 36 -37 [Чжан Чживэй, Чэнь Цзянь. Обратить внимание на финансовые риски Китая// Цайцзин, 22.04.2013, с. 36-37] (Zhang Zhiwei, Chen Jiayan. Paying Attention to the Financial Risks of China // Caijing, 22.04.2013, pp. 36-37)

страны. Лишь после возобновления монетарных инъекций ЦБ во второй половине дня 25 июня 2013 года рынок начал постепенно восстанавливаться³⁵.

Данные события во многих отношениях имели эффект технического дефолта, вызванного в сухом остатке тем, что кредитор последней инстанции в преддверии финансового дерегулирования перестал выполнять традиционные обязательства перед своей политико-экономической клиентелой в прежнем объеме.

Именно эти обстоятельства привели к резкому снижению темпов экономического роста во второй половине 2013 года и возымели глубокие структурные последствия для финансового и реального секторов народного хозяйства КНР, ощутимые вплоть до сегодняшнего дня.

Несмотря на неоднократные снижения ключевой ставки и возобновление сначала ограниченного, а затем все более масштабного монетарного стимулирования в 2014 и 2015 годах, описанные события начала лета 2013 года, несомненно, лежат в основе дальнейшей динамики снижения ВВП страны и серии последовательных обвалов на фондовом рынке КНР во второй половине 2015 – начале 2016 годов. Иными словами, именно курс на дерегулирование и ужесточение финансовой дисциплины в первой половине 2013 года стал *ключевым фактором* перехода социально-экономического комплекса Китая к состоянию «новой нормальности» в том структурном и «политическом» смысле, в каком употребил этот термин в мае 2014 года Си Цзиньпин.

В публицистической и даже аналитической литературе существуют многочисленные конспирологические теории, объясняющие эти обвалы внутриполитической борьбой в высшем эшелоне партийно-государственного руководства КНР³⁶.

³⁵ Чжан Гою. Цзиньжун бу дуйчэнь // Цзинци гуаньча бао, 01.07.2013 [Чжан Гою. Финансовая асимметрия // Цзинци гуаньча бао, 01.07.2013] (Zhang Guoyou. Financial Asymmetry // Jingji guanacha bao, 01.07.2013)

³⁶ Ван Хувэнь, Ли Да. Чжунго гуши шэньчудэ чжэнцзин цзяоша. Синьцзиюань, Гонконг, 2016. С. 57-126 [Ван Хувэнь, Ли Да. Глубинная политико-экономическая схватка не на жизнь, а на смерть на фондовом рынке Китая.

В принципе не отрицая возможность наличия этой составляющей в совокупности причин обрушения фондовых индексов, мы склонны полагать, что они стали результатом более или менее целенаправленных действий центральных регуляторов, направленных на сбалансирование и стабилизацию макроэкономической ситуации в стране. В самом деле, в первой половине 2015 года она выглядела, мягко говоря, крайне неестественно – динамика ВВП стагнировала или снижалась, а фондовые индексы обновляли исторические максимумы. Весьма вероятно, что правительство приняло решение и так или иначе осуществило комплекс политико-административных мер по выводу части ликвидности с внутреннего фондового рынка.

Как бы там ни было, в 2014 году, как мы уже знаем, произошла полная политическая легитимация «новой нормальности», вопрос о финансовом дерегулировании был снят с повестки дня, а идейно-пропагандистское обеспечение «экономики Ли Кэцзяна» постепенно сошло на нет.

Рассмотрение выдвинутой именно в 2013-2015 годах всемирно известной и широко обсуждаемой экспертами, политиками, публицистами и пропагандистами инициативы руководства КНР по построению «Одного пояса и одного пути» находится за рамками данной статьи. Однако, в нашем контексте важно отметить, что ее формулировка, выдвижение и продвижение полностью совпадали с укреплением в небольшой части верхнего эшелона китайского политического класса и экспертного сообщества представления, с одной стороны, об ограниченности потенциала экстенсивно-инвестиционной модели роста внутри КНР и, с другой стороны, о нарастающих трудностях в реализации курса на дерегулирование национальной финансовой системы. В этих условиях – когда новый инвестиционный бум внутренняя экономика «переваривает» с большим трудом, а финансовой

Издательство Синьцзиюань, Гонконг, 2016. С. 57-126] (Wang Huwen, Li Da. Deep Politico-Economic Mortal Battle on the China's Stock Market. Xinjiyuan Publishers, Hongkong, 2016. Pp. 57-126)

либерализации открыто и скрыто сопротивляется – естественным выводом и вполне рациональным стремлением в Пекине стал экспорт «китайской модели роста» за рубеж и создание для этого логистической, финансовой и военно-политической инфраструктуры. С нашей точки зрения, именно эти мотивации и лежат в основе выдвижения концепции «Один пояс, один путь». Повторим, в данных обстоятельствах для Китая – это вполне рациональный системный выбор. Степень успешности и условия его реализации – отдельный и весьма дискуссионный вопрос, которым в данное время занята немалая часть мирового экспертного, академического и политического сообщества.

Стратегия №2: «Реформа сферы предложения»

Неудовлетворительные итоги установочной линии на дерегулирование, обусловленные, прежде всего, обнаружившимся дефицитом внутренних финансово-экономических субъектов, которые были бы по-настоящему заинтересованы в таких реформах, вызвали к жизни вторую стратегию, получившую название «реформа стороны предложения»³⁷. Данная стратегия связывалась большим числом как китайских, та и вслед за ними, зарубежных экспертов, с именем вице-премьера Госсовета Лю Хэ и рассматривалась рядом инсайдеров как признак относительного ослабления позиций премьера Ли Кэцзяна. «Реформа стороны предложения» стала официально рассматриваться уже как «основное содержание» и «сущность» «новой нормальности», однако, по своей логике и сути, выглядела, скорее, как попытка эту политически легитимированную «новую нормальность» преодолеть.

Термин «экономика Ли Кэцзяна» и курс

на дерегулирование нигде не были формально дезавуированы, однако явно потеряли, так сказать, установочную актуальность. Это было сделать тем легче, что данный термин пришел в китайский экспертно-дискурсивный лексикон из-за рубежа и использовался наиболее широко китайскими экономистами и политологами «либерального» направления – сторонниками углубления шагов в сторону финансовой либерализации, которая заглохла после «кризиса ликвидности» в июне 2013 года и окончательно «снялась» с повестки дня по итогам последовательных обвалов на фондовых рынках страны в июле 2015 – январе 2016 годов.

Состоявшееся в декабре 2015 года Центральное рабочее совещание по экономическим вопросам выдвинуло новую установку – «реформа сферы предложения».

9 мая 2016 года центральный орган КПК газета «Жэньминь жибао» опубликовала получившее широкий резонанс в политико-экономических кругах страны довольно подробное интервью с неким «авторитетным лицом», не названным ни по имени, ни по должности. Ряд экспертов в КНР и на Тайване в беседах с автором высказывали предположение, что этим «авторитетным лицом» является либо сам вице-премьер Лю Хэ, либо – что более вероятно – кто-то из близких к нему чиновников или аналитиков.

Так или иначе, но в своем интервью «авторитетное лицо» достаточно предметно обрисовало контуры новой экономической стратегии руководства страны. Финансовое дерегулирование, как, впрочем, и какие-либо иные реформы в финансово-бюджетной сфере, не упоминались вообще. Также не нашлось места и для доминировавшего два года назад тезиса о «решающей роли рынка в распределении ресурсов». Это было прочитано некоторыми экспертами и наблюдателями как де-факто отказ от курса, инициированного весной 2013 года и, возможно, свидетельствовало об относительном ослаблении политических позиций Премьера Госсовета Ли Кэцзяна и даже появлении между ним и Си Цзиньпином серьезных разногласий, во всяком случае, в области экономической политики.

³⁷ У Цзиньлянь, Ли Инин, Чжэн Юннъян. Дудун гунгейцэ гайгэ. China CITIC Press, 2016 [У Цзиньлянь, Ли Инин, Чжэн Юннъян. Понимая реформу сферы предложения. China CITIC Press, 2016] (Wu Jinlian, Li Yining, Zheng Yongnian. Understanding Supply-Side Reform. China CITIC Press, 2016)

Вместе с тем «авторитетное лицо» вновь подчеркнуло нецелесообразность мощных монетарных стимулов и сделало упор на углубляющиеся, по его мнению, структурные проблемы китайской экономики, среди которых были особо выделены наличие излишних мощностей, прежде всего в целом ряде отраслей тяжелой и обрабатывающей промышленности, а также растущее число так называемых «мертвых предприятий», то есть мощностей, которые статистически рассматриваются регуляторами как действующие, но в реальности либо остановившиеся, либо значительно сократившие, либо кардинально перепрофилировавшие свое производство под влиянием падения спроса на свою продукцию, фактической неплатежеспособности и т.д.³⁸

Собственно говоря, «реформа сферы предложения», направленная на «повышение его качества», была призвана, прежде всего, разобраться именно с этими структурно-отраслевыми диспропорциями. Однако, если подходы в духе «экономики Ли Кэцяна» образца 2013 – начала 2014 годов имплицитно предполагали преодоление отраслевых диспропорций и нахождение *макроэкономического баланса* через реформу (дерегулирование) финансовой системы, то основные направления нового курса, очерченные в интервью «авторитетного лица», свидетельствовали о смещении центра тяжести экономической политики на микроуровень – к отраслям и конкретным предприятиям. В контексте «духа и буквы» макроэкономического управления в КНР это определенно означало переход к преимущественно прямым, административно-директивным инструментам регулирования и контроля³⁹.

В сухом остатке «реформа сферы предложения» действительно оказалась программой ограничения масштабов излишних мощностей в КНР преимущественно

методами административного воздействия при одновременной попытке сдерживания – опять же административного – интенсивности кредитно-денежной эмиссии.

Ключевая ставка ЦБ имела, впрочем, тенденцию к снижению. Предполагалось, очевидно, предоставить банкам в целом достаточно средств для кредитования «ответственных экономических субъектов». Насколько следует из моих интервью с рядом китайских экспертов в 2016, 2018 и 2019 годах и анализа выступлений экономической печати КНР в 2016-2020 годах, под таковыми понимались, прежде всего, «предприятия, дисциплинированные в финансовом отношении», не берущие деньги под инвестиции в отрасли с «излишними мощностями» и не усугубляющие проблему «региональной задолженности», то есть исправно платящие проценты по кредитам и не прибегающие к услугам теневого банкинга на инвестиционных площадках региональных (провинциальных и уездных) правительств.

Расчет, судя по всему, делался на то, что несколько лет сидения без монетарного «допинга» в условиях жесткого контроля за инвестиционной политикой и активами, а также беспрецедентных по масштабам антикоррупционных кампаний с массовым тюремным заключением обвиняемых на всех этажах партийно-государственной иерархии, смогут изменить мотивацию ключевой массы финансово-экономических игроков – сделать их «рачительными инвесторами» и «ответственными кредиторами».

Это, в свою очередь, по мысли центральных политических и финансовых регуляторов, должно было привести как к новому качеству экономического роста, так и к осязательному повышению его темпов, то есть – по существу дела – к преодолению структурно-мотивационных «аномалий» «новой нормальности». Концентрированным выражением этих ожиданий стала сформулированная на рубеже 2017-2018 годов рядом китайских экономистов и близких к государству бизнесменов теория «нового экономического цикла», провозглашавшая возможность и даже неиз-

³⁸ Ibid. С. 250-264.

³⁹ Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйцзи дао синь чантай. China CITIC Press, 2016. С. 385-412 [Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности. China CITIC Press, 2016. С. 385-412] (Liu Shijin, Yu Wu, Chen Changsheng. From Fighting Crisis to New Normal. China CITIC Press, 2016. Pp. 385-412)

бежность «качественно нового взлета» экономики КНР в 2018-2019 годах⁴⁰.

Однако изменить административными методами базовую мотивацию китайских финансово-экономических игроков, десятилетиями привыкших к условиям мягкого бюджетного ограничения и извлечению ренты через инвестиционные проекты, позволявшие с нарастающей интенсивностью – в особенности после стимулирующего пакета 2008-2009 годов – «национализировать» издержки и «приватизировать» доходы и прибыль, оказалось делом неблагодарным.

«Реформа сферы предложения», с нашей точки зрения, фактически усилила репрессии на капитал в КНР, добавила структурных диспропорций в отношении между кредиторами и заемщиками и, таким образом, потенциально еще более усложнила проведение финансового дерегулирования.

В самом деле, с одной стороны, ключевая ставка ЦБ неоднократно снижалась – т.н. коммерческие госбанки не должны были страдать (и, очевидно, не страдали) от дефицита ликвидности. С другой стороны, государственные регуляторы, несмотря на провозглашенное в июле 2013 года «дерегулирование банковской кредитной ставки», на самом деле сохранили инструментарий контроля над ней на микроуровне, вплоть до прямых указаний банкам по партийно-государственной линии «кого и как кредитовать». Одновременно – в рамках курса по борьбе с «излишними мощностями» – произошло усиление государственного контроля за инвестиционной деятельностью в конкретных отраслях и на предприятиях. В борьбе с «оттоком капитала» более жестким стало валютное регулирование. Страну захлестнули беспрецедентные антикоррупционные кампании.

В этих условиях госбанки, естественно,

⁴⁰ Жэнь Цзэпин, Гань Юань. Синь чжоуци. Чжунго хунгуань цзинцизи лилунь юй шицзянь. China CITIC Press, 2018. С. 49-85 [У Цзиньлянь, Ли Инин, Чжэн Юнъянь. Новый цикл. Теория и практика макроэкономики Китая. China CITIC Press, 2018. С. 49-85] (Ren Zeping, Gan Yuan. The New Cycle. Theory and Practice of China's Macroeconomy. China CITIC Press, 2018. Pp. 49-85)

снизили общие объемы кредитной деятельности, жалуясь на «плохое качество активов» предприятий-заемщиков. Последние же, привыкшие за прошлые десятилетия к мягкому бюджетному ограничению и отнюдь не склонные менять свою базовую мотивацию, снизили инвестиционную активность, седуя в свою очередь на то, что «деньги-то в общем есть, и мы знаем, где их взять, но вкладываться особо некуда».

Ни в 2018, ни в 2019 годах китайская экономика «качественно» не «взлетела».

Стратегия №3: «Валютные офшоры», «цифровизация юаня» и международные зоны «свободной торговли»

Пандемия COVID-19 – излюбленная в последнее время многими аналитиками тема для построения различных оценок и прогнозов социально-экономического развития КНР – вопреки расхожему мнению, не имела *фундаментальных* последствий для китайской экономики – ни с точки зрения ее структуры, ни с точки зрения изменения инвестиционно-затратной модели ее роста. Достаточно быстрое восстановление динамики ВВП КНР к концу 2020-началу 2021 годов было достигнуто, судя по всему, вполне традиционным наращиванием кредитно-денежной эмиссии. Уже к концу октября 2020 года у центральных регуляторов появились опасения «нового перегрева»⁴¹. Таким образом, есть основания заключить, что в стратегической перспективе пандемия оказала скорее негативное влияние на социально-экономический комплекс современного Китая, еще более затянув и осложнив «дерегулирование» и переход к потребительски ориентированной модели роста.

С другой стороны, лидеров КНР можно понять: какой прок в болезненных и непредсказуемых преобразованиях, призванных заложить основы новой модели роста тогда,

⁴¹ Оуян Сяохун. Чаоци янхан яо лайле! Шанье иньхан фа, жэньминь иньхан фа сюдин цзинсин ши [Оуян Сяохун. Супер-банк на подходе! Пора править законы о коммерческих банках и народном банке] (Ouyang Xiaohong. Super Bank is Coming! High Time to Edit the Laws on Commercial Banks, People's Bank). Mode of access: www.eeo.cn/2020/10/25

когда именно прежняя – инвестиционно-затратная модель при всех ее минусах и потенциальных проблемах позволяет быстро выправить вызванный пандемией спад. В конце концов многолетняя эмпирика свидетельствует – лавиную долю мирового экспертного мнения, озабоченного скорее техническими показателями глобального ВВП, гораздо проще впечатлить V-образным восстановительным ростом, чем неизбежно противоречивыми результатами глубоких структурных преобразований, несущих угрозу основам этого роста. На фоне пандемии такими реформами не занимаются. Тем более, что Китай именно в 2020 году начал, возможно, как никогда в недавнем прошлом, нуждаться в международном признании своего, так сказать, «самодостаточного успеха».

Как известно, пандемия COVID-19 сошла для КНР с серьезными внешнеполитическими вызовами, ключевым из которых, несомненно, является резкое ухудшение китайско-американских отношений, спровоцировавшее открытую и широкую международную дискуссию о возможности полного политико-экономического «расщепления» (*decoupling*) КНР и США⁴².

Подробное рассмотрение этой проблематики выходит за пределы предлагаемого текста. Следует, тем не менее, подчеркнуть, что, если полное китайско-американское «расщепление» выглядит, несомненно, утопическим, то в Пекине в целом, очевидно, осознаются риски качественного «охлаждения» в отношениях с Вашингтоном. Риски эти носят как внутривнутриполитический, так и внешнеполитический характер. При этом финансово-экономическое измерение и тех, и других видится нам как одно из наиболее значимых.

К финансово-экономическому измерению внутренних рисков следует, прежде всего, отнести сохраняющийся и, вероятно, увеличивающийся потенциал фундаментальных макроэкономических диспропорций, связанных с пузырями государственных гарантий. Конкретными проявлениями этих

пузырей выступают, как известно, долговые пирамиды в банковской системе и на рынке недвижимости, а также астрономические значения монетизации экономики КНР.

Финансово-экономическое измерение внешних рисков выглядит как возможное уменьшение притока американских долларов в КНР вследствие падения доходов от экспорта и сокращения иностранных инвестиций (в частности, постепенного, но неуклонного оттока иностранного капитала из Гонконга в условиях кризиса модели «одна страна – две системы»), политики санкций в отношении китайского сектора высоких технологий, а также технически возможных (хотя, с нашей точки зрения, практически маловероятных) американских финансовых «санкций из ада» – мер, направленных на ограничение объемов конвертации юаней КНР в доллары США через иностранные (то есть не китайские) банки.

Кроме того, можно предположить, что в Пекине постепенно начали осознавать значительные трудности и, вероятно, по некоторым направлениям даже тупики в реализации инициативы «Один пояс, один путь». В условиях скрытого и открытого противодействия этой инициативе со стороны США и потенциально вполне вероятного де-факто ужесточения позиции ЕС по данному вопросу, учитывая выражено негативное отношение к этой пекинской инициативе Индии и неопределенное мнение России, которая, к слову сказать, в перспективе скорее все же дистанцируется от участия в реализации китайской версии проекта в полном объеме, официальный Пекин оказывается перед необходимостью постепенной, но серьезной корректировки своей прежней линии.

В этих условиях на протяжении 2020 года появились признаки новых стратегических подходов китайского руководства к экономической политике. С нашей точки зрения, на данный момент эти новые, корректирующие подходы можно свести в целом к трем направлениям.

Во-первых, создание «зон свободной торговли» на территории КНР и на международном – региональном – уровне. К настоящему времени на территории КНР создано уже 18 таких зон. Их фундаментальной

⁴² Rosen, Daniel H.; Gloudeman, Laura. Understanding US-China Decoupling: Macro Trends and Industry Impacts. Mode of access: www.rhg.com/research/us-china-decoupling/

особенностью, отличной от известных из прошлого «свободных экономических зон», становится либерализация валютного регулирования. Иными словами, эти зоны превращаются в платформы для экспериментов с дерегулированием обменного курса юаня по счету движения капиталов. Основная цель этих зон и проходящих там экспериментов по дерегулированию обменного курса – не допустить (в условиях нарастающих трудностей в отношениях с США и, потенциально, с «коллективным Западом») значительного сокращения притока в КНР иностранной валюты.

С одной стороны, осознав значительные системные трудности с осуществлением финансовой либерализации в духе «экономики Ли Кэцзяна, руководство КНР де-факто отказалось – по крайней мере, на неопределенное время – от реализации такого курса внутри страны. Китайские эксперты, с которыми нам довелось беседовать, в один голос указывают на «невозможность масштабного внутреннего дерегулирования финансовой системы в силу опасностей макроэкономической дестабилизации, связанных с высоким «моральным риском» (*moral hazard*) в поведении субъектов хозяйственной деятельности». Иными словами, по сути дела, признается неудача попыток коренным образом изменить мотивацию внутренних финансово-экономических игроков, по-прежнему ориентированных на «приватизацию прибылей» и «национализацию убытков». Это означает, что юань остается неконвертируемой валютой, государственные регуляторы сохраняют инструменты прямого управления кредитной ставкой, а макроэкономическое управление в целом – административно-директивную составляющую.

С другой стороны, не имея в реальности технических возможностей порвать с долларом США как глобальной резервной валютой в условиях частичной, но достаточно глубокой интеграции ряда секторов экономики КНР в мировое хозяйство, Китай по-прежнему нуждается в притоке иностранной валюты, объемы резервов которой остаются инструментом внутренней экономической политики (тумблером кредитно-денежного

предложения и, следовательно, механизмом управления экономическим ростом) через регулирование обменного курса⁴³.

В этих условиях «зоны свободной торговли» с более «либеральным», чем в остальной части Китая валютным режимом, выступают в качестве «валютных офшоров» – приводных ремней макро и микроэкономического регулирования и контроля «на большой земле».

Вторым направлением стратегической коррекции экономической политики выступает в последнее время увлечение китайских политико-финансовых регуляторов идеей цифровизации национальной валюты. Ключевая цель этого комплекса мер, по нашему мнению, состоит в резком усилении контроля со стороны центрального правительства за финансовыми транзакциями внутренних субъектов экономической деятельности (борьба с пресловутыми «моральными рисками» хозяйственных субъектов) и решение проблемы избытка ликвидности (монетарного навеса) в экономике страны.

Судя по всему, это целеполагание сопровождается также надеждами на ускорение «интернационализации юаня» – то есть более широкое его использование как международного средства платежа. В полной мере оценить степень успешности этой стратегической коррекции на данный момент не представляется возможным. От себя добавим лишь, что соблазн заменить то, что не получается в реальном мире виртуально-технологическими успехами психологически понятен и, вероятно, трудно преодолим.

Третье направление, как представляется, продиктовано осознанием определенной пробуксовки в реализации изначально задуманной инициативы «Один пояс – один путь» на западном направлении и связано с продвижением Китаем идеи создания региональных зон свободной торговли. В этом отношении КНР добилась действительно значительных успехов, вероятно, стратегического характера. В ноябре 2020

⁴³ Чжоу Цижэнь. Хуобидэ цзяосюнь. Peking University Press, 2012. С. 94-96 [Чжоу Цижэнь. Монетарные уроки. Peking University Press, 2012. С. 94-96] (Zhou Qiren. Monetary Lessons. Peking University Press, 2012. Pp. 94-96)

года 15 стран восточноазиатского региона подписали соглашение о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли со сниженными торговыми пошлинами, ключевым игроком и бенефициаром которой, по мнению большого числа экспертов, является именно Китай⁴⁴. Следует подчеркнуть, что данное соглашение следует рассматривать не только как чисто экономическую, но и отчасти как внешнеполитическую победу КНР, чрезвычайно затрудняющую новую демократическую администрацию США во главе с президентом Дж. Байденом потенциальную попытку реактивации инициативы Б. Обамы о Транс-Тихоокеанском партнерстве.

Заключительные соображения или экзистенциальный парадокс «новой нормальности»

Известное высказывание Отто Бисмарка о политике как об искусстве возможного вполне применимо к причинно-следственной логике и содержанию последовательно сменявших друг друга экономических стратегий, реализовавшихся и реализуемых в КНР в эпоху Си Цзиньпина под общим определением «новой нормальности».

В сущности, «новая нормальность» есть совокупность социально-экономических и, несомненно, политических явлений и тенденций, связанных со снижением динамики роста ВВП и углублением структурных макро и микроэкономических диспропорций в КНР после 2010 года. С нашей точки зрения, понятие «новой нормальности» в равной мере должно включать и целенаправленные усилия партийно-государственного руководства Китая по преодолению этих диспропорций и – соответственно – по выводу общества и страны из этой «нормальности», которая в действительности отнюдь не видится китайским политикам и экспертам нормальной. В этом, как мы считаем, состоит некий смысловой и экзистенциальный парадокс, мимо которого проходит большая

часть зарубежных наблюдателей – «новая нормальность» в современном Китае отнюдь не норма, а совокупность структурных проблем и дисбалансов, требующих решения и преодоления. Или, пользуясь терминологией близких к правительству китайских аналитиков, «ловушка» или «высокая стена», образованная массой системных препятствий на путях преодоления нежелательной и потенциально кризисной «нормы».

«Возможность» здесь означает императив сохранения монополизма партийно-государственной власти. «Искусство» – поиск модели удержания этой власти в условиях императивов глубоких политэкономических преобразований, направленных на фундаментальное избавление от макро и микросистемных диспропорций инвестиционно-затратной модели экономического роста.

Успехи Китая на этом пути оспорить невозможно. Однако, окончательный ответ на вопрос о том, поможет ли это «искусство» сделать такую «возможность» реальной остается в данном случае пока открытым.

Литература:

- Kerry, Brown.* CEO, China. The Rise of Xi Jinping. I. B. Tauris: London, New York, 2017. Pp. 217-218.
- Shih, V.C.* Factions and Finance in China: Elite Conflict and Inflation. Cambridge University Press – 2008, p. 1-15.
- Willy Wo-Lap Lam.* Chinese Politics in the Era of Xi Jinping. Renaissance, Reform or Retrogression. Routledge – 2016 – p. 151-190
- «Ли Кэцян цзинцзи сюе» жумэнь ке // Цайцзин, 02.12.2013, с. 56 [Вводная лекция по «экономике Ли Кэцяна» // Цайцзин, 02.12.2013, с. 56] (The Entrance Class for the “Liconomics” // Caijing, 02.12.2013, p. 56)
- Ван Пэйчэн, Чжао Цзинтин.* Чжунгоши инцзы иньхан // Цайцзин, 11.02.2013, с. 94 [Ван Пэйчэн, Чжао Цзинтин. Теневые банки по-китайски // Цайцзин, 11.02.2013, с. 94] (Wang Peicheng, Zhao Jingting. Shadow Banking Chinese Style // Caijing, 11.02.2013, p. 94)
- Ван Хувэнь, Ли Да.* Чжунго ши шэньчудэ чжэнцзин цзяоша. Синьцзиюань, Гонконг – 2016 - с. 57 -126 [Ван Хувэнь, Ли Да. Глубинная политико-экономическая схватка не на жизнь, а на смерть на фондовом рынке Китая. Издательство Синьцзиюань, Гонконг – 2016 – с. 57 -126] (Wang Huwen, Li Da. Deep Politico-Economic Mortal Battle on the China's Stock Market. Xinjiyuan Publishers, Hongkong – 2016 – p. 57 -126)
- Дэн Хайцин, Линь Ху.* Лилю шичанчуа. Тувэй чжунго чайяу куньцзо. Social Sciences Academic Press (China) – 2013 [Дэн Хайцин, Линь Ху. Переход к рыночному определению кредитной ставки. Прорыв долговой осады в Китае. Social Sciences Academic Press (China) – 2013] (Deng Haiqing, Lin Hu. Interest Rate Liberalization.

⁴⁴ Dieter, Heribert. RCEP – Countries Create Asia-Pacific Free Trade Zone. Trade Facilitation but No Integrated Bloc. Mode of access: www.swp-berlin.org/10.18449/2021CO3/

Breaking Out China's Debt Predicament. Social Sciences Academic Press (China) – 2013)

Жэнь Цзэпин, Гань Юань. Синь чжоуци. Чжунго хунгуань цзинци лидунь юй шицзынь. China CITIC Press – 2018 – с. 49-85 [У Цзиньянь, Ли Инин, Чжэн Юнъянь. Новый цикл. Теория и практика макроэкономики Китая. China CITIC Press – 2018 – с. 49-85] (Ren Zeping, Gan Yuan. The New Cycle. Theory and Practice of China's Macroeconomy. China CITIC Press – 2018 – p. 49-85)

Лу Фэн. Хунтяодэ лоци. China CITIC Press – 2016 – с. 154-156 [Лу Фэн. Логика макроэкономического регулирования. China CITIC Press – 2016 – p. 154-156] (Lu Feng. The Logic of Macroeconomic Regulation. China CITIC Press – 2016 – p. 154-156)

Лю Шицзин, Чжан Цзюнько, Хоу Юнчжи, Лю Пэйлинь. Сянцзин хайши гаоцян [Лю Шицзин, Чжан Цзюнько, Хоу Юнчжи, Лю Пэйлинь. Ловушка или высокая стена] (Lu Shijing, Zhang Junkuo, Hou Yongzhi, Lu Peilin. Trap or High Wall) // Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйци дао синь чантай. China CITIC Press – 2016 – с. 109-136 [Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности. China CITIC Press – 2016 – с. 109-136] (Liu Shijin, Yu Wu, Chen Changsheng. From Fighting Crisis to New Normal. China CITIC Press – 2016 – p. 109-136)

Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйци дао синь чантай. China CITIC Press – 2016 – с. 57 [Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. От борьбы с кризисом к новой нормальности. China CITIC Press – 2016 – с. 57] (Liu Shijin, Yu Wu, Chen Changsheng. From Fighting Crisis to New Normal. China CITIC Press – 2016 – p. 57)

Лю Юхуэй. Чжунго цзинци дэндай поцзю // Цайцзин, 15.07.2013, с. 32 [Лю Юхуэй. Экономика Китая ожидает прорыва // Цайцзин, 15.07.2013, с. 32] (Lu Yuhui. Chinese Economy is Waiting for the Breakthrough // Caijing, 15.07.2013, p. 32)

Ма Гочуань. Цзоучу вэйвень шидай. Hongkong Open Page Publishing Co. LTD – 2013 – с. 180-196. [Ма Гочуань. Покидая эпоху поддержания стабильности. Hongkong Open Page Publishing Co. LTD – с.180-196] (Ma Guochuan. Leaving the Epoch of Supporting Stability. Hongkong Open Page Publishing Co. LTD – pp. 180-196)

У Циньянь, Ли Инин, Линь Ифу. Дундэ гунгэйцэ гайгэ. China CITIC Press – 2015 – с. 9. [У Циньянь, Ли Инин, Линь Ифу. Понимать новую нормальность. China CITIC Press – 2015 – с. 9] (Wu Jinglian, Li Yining, Lin Yifu. Understanding New Normal. China CITIC Press – 2015 – p. 9)

У Циньянь, Ли Инин, Чжэн Юнъянь. Дудун гунгейцэ гайгэ. China CITIC Press – 2016 [У Циньянь, Ли Инин, Чжэн Юнъянь. Понимая реформу сферы предложения. China CITIC Press - 2016] (Wu Jinlian, Li Yining, Zheng Yongnian. Understanding Supply-Side Reform. China CITIC Press – 2016)

Фань Ган, Чжан Сяоцзин. Цзэмме ю гожелэ? Синь и лунь цзинци бодун юй хунгуань тяокун фэньси. Цзянси жэньминь чубаньшэ – Наньчан – 2005, с. 126 [Фань Ган, Чжан Сяоцзин. Почему опять перегрелись? Анализ нового цикла экономических колебаний и макро-регулирования. Народное издательство провинции Цзянси – Наньчан – 2005, с. 126] (Fan Gang, Zhang Xiaojing. Why got Overheated Once More? Analysis of the New Cycle of Economic Fluctuations and Macro-Adjustment. Jiangxi People's Publishers – Nanchang – 2005, p. 126)

Цзя, цай, шуй пейтао гайгэ иньдуй синьшици тяочжаньдэ чжэнцэ сюаньцэ // Цайцзин, 18.02.2013, с.60-61 [Скоординированная реформа цен, активов и налогов должна стать стратегическим выбором в новый период // Цайцзин, 18.02.2013, с.60-61] (Coordinated Reform of the Prices, Assets and Taxes Must be the Strategic Choice in the New Period // Caijing, 18.02.2013, p.60-61)

Чжан Гою. Цзиньжун бу дуйчэнь // Цинци гуаньча бао, 01.07.2013 [Чжан Гою. Финансовая асимметрия // Цинци гуаньча бао, 01.07.2013] (Zhang Guoyou. Financial Asymmetry // Jingji guancha bao, 01.07.2013)

Чжан Чживэй. Жунжэнь цзэнсу фанхуань ши лисиндэ сюаньцэ // Цайцзин, 25.03.2013, с. 77 [Чжан Чживэй. Признавая, что снижение темпов роста является рациональным выбором // Цайцзин, 25.03.2013, с. 77] (Zhang Zhiwei. Acknowledging that the Decrease in Growth Rate is Rational Choice // Caijing, 25.03.2013, p. 77)

Чжоу Цижэнь. Хуоби тяокундэ чжунго тэсы. Peking University Press – 2012 – с. 78 [Чжоу Цижэнь. Китайская специфика денежного регулирования. Peking University Press – 2012 – с. 78] (Zhou Qiren. Monetary Regulation with Chinese Characteristics. Peking University Press – 2012 – p. 78)

Чжоу Цижэнь. Хуобидэ цзясюнь. Peking University Press – 2012 – с. 94-96 [Чжоу Цижэнь. Монартарные уроки. Peking University Press – 2012 -с. 94-96] (Zhou Qiren. Monetary Lessons. Peking University Press – 2012 – p. 94-96)

Ши Вэй. Чуаньтоу мицян: ганьюй юй цзыю бщисядэ чжунго цзинци. Цзинань дасюе чубаньшэ – 2014, с. 81 [Ши Вэй. Проникая через волшебную стену: экономика Китая в борьбе между вмешательством и свободой. Издательство университета в г. Цзинань – 2014, с. 81] (Shi Wei. Penetrating through Magic Wall: Chinese Economy Struggling between [State] Intervention and Freedom. Jinan University Publishers – 2014, p. 81)

Шэн Сунчэн, Лю Си. Циньжун гайгэ сетяо туйцзиньлунь. China CITIC Press – 2015 – с. 1-25 [Шэн Сунчэн, Лю Си. Теория скоординированного продвижения финансовой реформы. China CITIC Press – 2015 – с. 1-25] (Sheng Songcheng, Lu Xi. Theory of Coordinated Advance of Financial Reform. China CITIC Press – 2015 – p. 1-25)

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10027

“THE NEW NORMALCY” AS THE ART OF THE POSSIBLE: ALTERNATING ECONOMIC STRATEGIES UNDER XI JINPING

Mikhail V. Karpov

*MGIMO University,
National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i></p> <p style="text-align: right;">10.01.2021</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">20.03.2021</p> <p><i>Sent for editing:</i></p> <p style="text-align: right;">25.03.2021</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">03.05.2021</p>	<p>Abstract: The period of Xi Jinping’s rule in the sphere of economic policy is characterized by a sequential alternation of essentially different macroeconomic strategies, united by the general term “new normal”. To date, none of these strategies have met with fundamental success.</p>
<p>About the author: Chief Researcher, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University; Associate Professor, School of Oriental Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics</p> <p>e-mail: mikhail-karpov6@rambler.ru</p>	
<p>Key words: paradiplomacy; sub-national units; subjects of federations; territorial autonomies; foreign policy of federal government; types of interaction; auxiliary paradiplomacy</p>	

Для цитирования: Карпов М.В. «Новая нормальность» как «искусство возможного»: чередование экономических стратегий при Си Цзиньпин // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 42-62.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10027

For citation: Karpov, Mikhail V. «Novaya normal’nost’» kak «iskusstvo vozmozhnogo»: cheredovaniye ekonomicheskikh strategiy pri Si Tszin’pine (“The New Normalcy” as the Art of the Possible: Alternating Economic Strategies under Xi Jinping) // *Comparative Politics Russia*, 2021, No. 3, pp. 42-62.

DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10027